Глупоглазая девочка-дрожь, Как пройти, не задев за живое То ли рвущийся в прошлое дождь, То ли сердце твоё нежилое.

Глубоко западают дожди, В самый миг, что с тобой был счастливым, В самый Дом, не смогла даже ты Заселить его собственным ливнем.

Оборвался начавшийся слог Наш с тобой. Одновременно трудный. Но ненастье давно пронеслось, А дрожишь всё равно. От простуды.

* * *

В семье не изучаются азы, А значит,

буквы

с каждым

днём

мельчают...

И дочка просит денег на язык, И мама говорит, чтоб замолчали.

Мечты о прошлом... день вчерашний свеж, А помнишь, ты хотела быть моделью, А не моей женой... вчера мне «свешали». На триста граммов меньше карамели.

Соседи ночью не давали спать, Сказать им... Позже, пусть они подохнут! Ведь, может быть, проснёмся, и потом Нам будет жить совсем не так уж плохо.

По холоду кому идти в собес? Считать кому дрожащими руками Квитанции и удержать в себе Остывшие глаголы с матерками.

Накануне двадцати восьми

И бабушка, ослепшая с годами, И дедушка, погибший на войне, Во мне прозреют, прошлое отдам им, Чтоб оставалось навсегда во мне.

А будущего чёрные провалы — Пространства между теми, кто ушёл, Вдруг встретятся, окажется, права ты И ты... и ты... мне с вами хорошо.

Мне б настояться, календарь увидеть, Жене напомнить – день рожденья мой!

Но бабушка из дома снова выйдет Пожалуй, деда слышится гармонь.

На волчьем хвосте

Сносить «Привоз», сказали, будут, а там и груши вполцены, и теплится сквозь льдинки утро, роняя в Омку поцелуй.

Сносить «Привоз», а что на место? Под мост? Вселенную впихнуть не выйдет. Лишь в карман министра легко осядет что-нибудь.

А мне осесть на твёрдой почве, убраться с Волчьего хвоста... Но будто сам отправлен почтой – и дом, и улица не та...

На пустыре, как будто в стае, от сырости дома спаслись, иду туда и сам врастаю в года, которые прошли.

Где сочно мне: «Арбуза нада?» На вид он тяжелей меня, но укатился в чьё-то завтра, а я остался в именах,

что Омка шепчет на рассвете: друзья, соседи... мать с отцом. Привоз снесён, оставшись целым, продайте детства месяцок!

Пропишешь, дядя Ваня, справку метлой от Волчьего хвоста! И сразу сказка станет правдой, но «Жили-были» ты оставь.

И отойдя на миг... за водкой, не обернись за двадцать лет, и пыль хвостом ударит волчьим, оставив на рубашке след.

Жене скажу, что с дуба рухнул, и оттого на шее грязь. И... молодая, не старуха Мне половину груши даст.

Первый класс

Родители уходят и дорожку Протаптывают в небе для тебя, А ты глядишь и думаешь, хороший Твой млечный путь в подтёках сентября.

А ты идёшь и понимаешь, страшно: Твой первый путь из дома без родных, И каждый проходящий – это радость, А вдруг... со мной? Но шаг... и я без них.

Ещё немного. Сколько – неизвестно. Как мама бы хотела, чтоб дошёл! Но рвётся путь, расхлябанный и звёздный, Пожалуй, в ад дорога хорошей?

Боишься шелеста седых кустов, лениво Сдувает ветер с фонарей огни... Родители уходят и больнее, Что ты идёшь и будто бы средь них.

Но незнакомцы, сиплые, с усмешкой, Кто маму подгоняет, кто сестру, Соседский пёс оскалился – успеешь, Ты поиграй со мной, ведь ты мне друг.

Сбавляю шаг, моя дорожка сбита, Огромный серый дом, а у ворот Апостол Пётр – дворник дядя Петя Про школу первоклашкам что-то врёт.